
НЕ СНИМАЙ ДОРОГУ
АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Книги от которых не оторваться

Алексей Корнелюк

Не снимай дорогу

«Автор»
2026

Корнелюк А.

Не снимай дорогу / А. Корнелюк — «Автор», 2026 — (Книги от которых не оторваться)

После катастрофы город распался на участки, связанные ненадежными переходами. Редкие металлические скобы удерживают дороги от исчезновения. Их можно переносить. Но путь, с которого сняли скобу, пропадает навсегда.Проводница Ася Лебедева добывает скобы в покинутых кварталах, чтобы ее поселок получал воду и еду. На карте эти места обозначены пустыми. Пока однажды оттуда не приходит человек с известием: младший брат Аси жив. А дорогу, по которой ему доставляли топливо, разобрали по ее собственному отчету.Ася отправляется за братом и находит людей, которых уже исключили из списков живых. Чтобы вывести их из города, понадобятся скобы с дорог ее родного убежища. И доверие тех, кого она однажды помогла отрезать.

© Корнелюк А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Корнелюк
Не снимай дорогу

Не снимай дорогу

Алексей Корнелюк
Не снимай дорогу

Глава 1

Простыню повесили под навесом, куда не доставал дождь. Один край прихватили двумя деревянными прищепками, другой завязали вокруг трубы. Ткань провисла мешком. Ветер шевелил ее снизу, открывая темный прямоугольник окна.

Ася остановилась у водостока. На карте над этим местом стоял крест: второй этаж, перекрытие обрушено. Под простыней виднелся целый подоконник с жестяным отливом. Она поставила на полях вопросительный знак и посмотрела на часы. На обследование оставалось сорок минут.

Глеб стоял в дверях прачечной и стягивал ремнем сложенную переноску. Из раскрытой сумки у его ног торчали ножовка, рулон плотной ткани и рукоять короткого лома. Когда-то на сумке были вышиты золотые листья. Глеб спорол их не все, и на сером боку еще держалась половина блестящей ветки.

— Дальше что? — спросил он.

Ася показала на ворота в конце проезда.

— Второй двор. Потом корпус слева.

— Ворота заперты.

— Посмотрю через прачечную.

Павел уже поднимался по ступеням разгрузочной площадки. Он нес фонарь и пустой мешок из-под крупы. Перед выходом Глеб велел взять мешок: завернуть скобу, чтобы не била по тележке. Павел просунул в прореху руку и теперь держал фонарь, не вынимая ее.

— Здесь дверь есть, — сказал он. — Может, насквозь.

— Сначала посвети под ноги.

Павел наклонил фонарь. Нижняя ступень была мокрой, две верхние присыпало штукатуркой. Он протер подошву о край и поднялся.

Прачечная занимала длинный низкий корпус. За выбитыми окнами стояли машины с круглыми стеклянными дверцами. В одной за стеклом лежало что-то бурое, сплющенное. Ася прошла вдоль стены к жилой пристройке. На первом этаже было четыре двери. Одну сняли с петель и положили поперек лестницы. На ней остался след от утюга.

Она стукнула в косяк фонарем и подождала.

Снаружи Павел что-то сказал Глебу. Ответа из комнат не было. Ася позвала еще раз, уже громче, и вошла.

На кухне пахло сырым деревом. Над раковиной висело круглое зеркало, нижняя половина которого потемнела. На столе стояли три чашки, вложенные одна в другую. Верхняя треснула. Ася раздвинула чашки, посмотрела внутрь и поставила обратно. Пыль на столе легла неровно: у окна ее было больше, возле двери почти не было. Низкий табурет лежал набоку.

В следующей комнате разобрали печь. Кирпичи сложили вдоль стены, железную дверцу прислонили к кровати. На полу валялась раскрытая книга без обложки. Ася переступила через нее и заглянула за шкаф.

Она умела смотреть в покинутые комнаты, не задерживаясь на каждой вещи. В первые месяцы после аварии все приходилось осматривать дважды: сначала как чужое жилье, потом как место, откуда можно взять нужное. Со временем второй осмотр стал первым. Она замечала целую канистру прежде, чем фотографию над ней.

В третьей комнате уцелело окно. Через него был виден второй двор: квадрат выщербленного бетона, сарай с оцинкованной крышей, лестница на наружной стене. На перилах под навесом висели еще две простыни. Нижний угол одной был отжат жгутом и удерживал форму.

Ася приподняла раму. Та поддалась на ширину ладони. Она просунула руку и дотянулась до ткани. Пальцы стали влажными.

Ночью шел дождь. Крышу сарая, которую было видно отсюда, залило всю. Под широким навесом бетон оставался светлым и сухим.

Она потерла ткань большим пальцем. По ногтю скользнуло что-то белесое. На простыне остался узкий темный след.

— Есть кто-нибудь? — позвала она во двор.

С крыши капало в жестяную бочку.

Ася вынула руку, вытерла ее о штанину и записала: «Дальний двор. Белье под навесом. Не проверено».

В рации щелкнуло.

— Ася, сюда.

Она прижала кнопку.

— Что?

— Павел упал. Иди к нам.

Глеб говорил обычным голосом, только без пауз между словами. Ася сунула блокнот за пазуху и побежала обратно.

Разгрузочная площадка просела у стены. Павел сидел внизу, опираясь на локти. Одна нога осталась на бетонной плите, другая ушла между обломками. В разрыве штанины было видно белое. Потом белое закрылось кровью.

— Не вставай, — сказал Глеб.

— Я не встаю.

— Тогда руки убери.

Павел пытался ухватиться за край плиты. Под его пальцами отламывался мокрый бетон.

Ася опустилась рядом. Из-под площадки пахнуло землей и прелым деревом. Бетон лежал на балках, которые снаружи еще казались целыми. Внутри они были мягкими, почти черными. Одна переломилась поперек. Павел наступил как раз над ней.

Глеб разрезал штанину. Ножницы были маленькие, с одним красным кольцом и одним черным. Он всегда сердился, когда ими пытались резать проволоку.

— Держи вот здесь.

Ася прижала сложенную ткань. Павел резко втянул воздух и повернулся к стене.

— Глеб.

— Слышу.

— Погоди.

Глеб погоди́л. Придержал его за плечо, пока тот не кивнул, и продолжил.

Вместе они освободили ногу. Павел больше не пытался смотреть. На щеке у него отпечаталась крошка штукатурки. Ася хотела стряхнуть ее, но руки были заняты.

— До депо довезем? — спросила она.

— Придется.

— Я сейчас тележку.

— Переноску дай сначала. Потом тележку.

Тележка осталась по другую сторону перехода. Они привезли ее от депо пустой, а перед ступенями отсоединили колеса и прислонили раму к стене. Глеб не хотел тащить ее по щебню: у правого колеса разбило втулку, и он всю дорогу прислушивался к ее стуку.

Ася забрала переноску из сумки, разложила на земле. Ткань была грубой и бледной. По одному краю тянулись отверстия от старого шва. Глеб сшил ее из театральной задней занавеси. Когда материал намокал, от него шел слабый запах клея.

Павел помогал, сколько мог. Когда его приподняли, он крепко обхватил Асину шею. Изо рта пахнуло чаем и чесноком. Он был тяжелее, чем она ожидала.

Они положили его на переноску и посидели рядом, переводя дыхание. Из открытого окна третьей комнаты потянуло сквозняком. Ася подняла голову. Отсюда белья не было видно.

— Дальше ты прошла? — спросил Глеб.

Она посмотрела на него.

— Куда?

— За ворота.

— В пристройке пусто.

Глеб проверял узел на повязке.

— Я спрашиваю про двор.

Ася вынула блокнот. На мокром краю страницы расплылся графит. Ее запись оставалась разборчивой.

До второго двора нужно было пройти через корпус или перебраться через ворота. Потом осмотреть сараи, верхнюю галерею и дом, которого с улицы почти не было видно. Одной ей хватило бы часа, если все двери открыты. Возвращаться следовало вдвоем.

— Оставим скобу, — сказал Глеб. — Пойдем так.

Павел лежал с закрытыми глазами. У него дрожала нижняя губа.

— Обход без нее не закрепят, — сказала Ася.

— Знаю.

— До складов грузовые не пройдут.

— Ася, я знаю. Мы можем сегодня ее не брать.

На карте дорогу к складам провели толстой синей линией. Еще неделю назад по ней возили муку и крупу. Потом обрушился край набережной вместе с площадкой, на которую выходил переход. Сама связь осталась: открываешь калитку, а за ней вода и торчащая из воды арматура. Нового места для колес там не было.

Обход нашли через хлебозавод. Два перехода уже закрепили. На третий ждали эту скобу.

Ася развернула выданный перед выходом лист. Под копией плана стояло: «Жилых нет. Эвакуировано». Ниже оставили место для подтверждения. Она читала эту строчку утром в теплом помещении, пока Павел пил чай из своей крышки. Тогда нужно было прийти, проверить отметку и принести скобу. Возвращаться без нее означало снова искать людей на вылазку, тратить день, объяснять, что именно она не успела.

Глеб собрал ножницы и убрал в сумку.

— Сначала перенесем его.

Они подняли носилки. Ася шла впереди, боком спускаясь с площадки. Под левым сапогом шевельнулся обломок, и Павел сдавленно вскрикнул. Дальше она ступала медленно, каждый раз пробуя ногой место, прежде чем перенести на него вес.

Переход находился в конце короткого проезда. Стальная дверь с надписью «ПОДШИПНИКИ» открывалась в складской бокс у рынка. До аварии прачечная стояла на другом берегу канала. Ася помнила ее высокую трубу: в детстве они с Мишей видели ее из автобуса. Теперь от прачечной до складского бокса было четыре ступени.

Павла опустили на верхней. Глеб прошел в бокс, поставил колеса, разложил тележку. В окне у него за спиной было пасмурное утро, деревянный прилавок и чья-то мокрая куртка, развешенная на гвоздях. Ася стояла у Павловых ног в проезде прачечной. Над ее головой светлело небо. Она успела привыкнуть к тому, что в переходах это выглядело вполне обыкновенно, но все еще проверяла, куда ставит ногу.

Наконец Павла уложили на тележку. Он открыл глаза и попросил приподнять воротник: под шею что-то затекало. Ася подложила ему свернутый шарф.

Все трое были в боксе.

Глеб присел у скобы. Она охватывала нижнюю часть косяка и край порога. Старая краска вокруг осыпалась; металл оставался темным и гладким. Возле левого конца выцарапали номер и дату последней проверки.

— Решила?

Ася сняла карандаш с резинки блокнота.

В форме требовалось подтвердить две вещи: участок обследован, живущих не обнаружено. Она могла вписать оговорку. Для этого на листе даже оставалось место — целых три строки до подписи.

За дверью виднелись ступени, длинная стена прачечной и кусок водостока. Простыня висела выше, вне поля зрения. Чтобы увидеть ее снова, нужно было выйти из бокса и поднять голову.

Ася отметила обе графы.

— Снимаем.

Глеб посмотрел на лист, потом взял инструмент.

Она держала развернутый мешок, пока он освобождал левый конец скобы. Лом упирался ему в бедро. Правый конец подался легче. Глеб перенес вес на другую ногу, потянул, и Ася машинально отступила, освобождая ему место.

Проезд исчез.

Она еще видела его, когда металл лежал у нее на ладони, а потом перед дверью оказалась кирпичная стена. В нескольких сантиметрах от порога выступал рыжий наплыв раствора. Внизу шла труба с ободранной изоляцией.

Дверь качнулась и стукнула краем о кирпич.

Глеб завернул скобу в мешок, завязал горловину. Потом помог Асе поднять ее и положить под тележку. Павел смотрел в потолок бокса.

— Под ногу мне не клади, — попросил он.

— Она внизу.

— Хорошо.

Ася закрыла стальную дверь. Та не дошла до коробки и осталась приоткрытой на два пальца. Раньше с этой стороны ее придерживали проволокой. Она подняла проволоку с пола, продела в ручку и закрепила на крюке.

На рабочей карте переход следовало перечеркнуть. Красный карандаш не хотел писать по сырой бумаге. Ася несколько раз провела по одному месту, пока линия не стала достаточно яркой.

До рынка они добрались за двенадцать минут. На поворотах Глеб брал тележку за боковую раму, чтобы Павла не трясло. Ася шла у изголовья, придерживая переноску. Правое колесо стучало. Когда они остановились перед лестницей, Глеб вытер рукавом лоб и посмотрел на втулку.

— Вечером сниму.

— У тебя нет другой, — сказала Ася.

— Найду.

Он говорил это без уверенности. Просто втулку теперь нужно было найти.

У рынка к ним вышел мальчишка с ящиком пустых бутылок. Увидев Павла, поставил ящик и спросил, за кем бежать. Глеб назвал фельдшера и велел сказать, что они будут через двадцать минут. Мальчишка ушел через цветочный павильон. Дверь за ним захлопнулась, качнув бумажную гирлянду под стеклом.

На следующем переходе их встретил человек с ломом на плече. Подождал, пока они протащат тележку через узкий проем, и молча придержал створку. Ася узнала его по шапке. Фамилию вспомнить не смогла. У него когда-то был с ней спор из-за записи на карте: она убрала пометку о высокой ступени, потому что сам проход оставался исправен. Теперь на ступень набили доску, и человек придерживал ее сапогом, пока колеса не прошли.

В депо пахло вареной капустой, мокрой одеждой и соляркой. У въездных ворот чинили печную трубу. Двое мужчин держали ее на весу, третий пытался надеть широкий хомут. На полу под ними уже собралась черная вода.

Серов вышел из помещения раздачи с полотенцем через плечо.

— Кто?

— Павел, — сказал Глеб. — Провалился на площадке.

Серов наклонился к тележке.

— Паша, слышишь меня?

— Слышу.

— Сейчас занесем. Здесь холодно.

Он взялся за переднюю раму, и тележку подкатили к бывшей комнате мастеров. Фельдшер уже ждала у двери. Пока переносили Павла, Серов придерживал его за спину. Полотенце упало в грязь. Он отодвинул его ногой, чтобы никто не поскользнулся.

Ася осталась в проходе.

Из комнаты донеслось:

— Разрезать придется.

— Уже разрезали, — сказал Павел.

— Здесь тоже.

— А, ну режьте.

Потом дверь прикрыли.

Глеб стоял возле рукомойника. Вода стекала с его пальцев розовая, становилась светлее и снова розовела, когда он начинал тереть ладони. Ася ждала, пока он закончит. Под ее ногтями засохла кровь. На манжете осталось темное пятно в форме большого пальца.

— У тебя порез? — спросил Глеб.

Она посмотрела на руку.

— Нет.

Он кивнул и уступил место.

Вода была холодной. Ася долго держала под ней пальцы. Из раздачи принесли таз с посудой и поставили рядом. Верхняя миска была вся в капустных жилках. Женщина, которая принесла таз, посмотрела на Асину куртку.

— Вам оставить?

— Что?

— Поесть. Потом не будет.

— Оставьте.

— На двоих?

Ася оглянулась на Глеба.

— На троих. Павлу тоже.

Женщина забрала таз.

Глеб ушел возвращать тележку. У него за одним ухом осталась полоска засохшей крови, но Ася заметила ее, когда он уже повернулся. Она хотела окликнуть и не окликнула.

Серов ждал возле весов.

Скобу вынули из мешка. Стрелка покачалась и остановилась между делениями. Он записал вес на обороте накладной, еще раз посмотрел на металл и передал скобу человеку в брезентовом фартуке.

— На обход. Скажи, к четырем будем грузить.

Человек подхватил ее обеими руками и унес.

Серов вытер ладони о брюки.

— Документы у тебя?

Ася отдала лист. На сгибе отпечаталось бурое.

— Это его?

— Да.

Серов дочитал до подписей.

— По жилым пусто?

— Пусто.

Он перевернул план.

— Пристройка тоже?

Ася видела перед собой раскрытую оконную раму. На дереве возле шпингалета лежала чистая белая полоска, где его недавно касались.

— Тоже, — сказала она.

Серов положил лист на подоконник, прижал пустой кружкой и взял из стопки учетную карточку.

— Подожди. Дату и время снятия впишем.

За стеклом начинался внутренний двор депо. Там поставили сушилку из двух лестниц и длинной жерди. На ней висели детские штаны, мешок, три полотенца. Женщина в пуховом платке снимала вещи по одной, прижимала к щеке, потом складывала на руку. Одно полотенце она вернула на жердь.

Ася отвернулась.

— С Северной выходили?

Серов продолжал писать.

— Сегодня нет.

— Вчера?

Он поднял голову.

— Если бы вышли, я бы тебя нашел.

Она знала. За последние недели ей говорили это столько раз, что теперь перед каждым вопросом она обещала себе больше не спрашивать.

Миша ушел на насосную на четыре дня. Взял сменную рубашку и попросил оставить ему место у трубы: вернется, выстирает рабочее. Ася до сих пор сушила свои вещи с другого края.

— Вечером еще вызов, — сказал Серов. — Подойди к диспетчеру после восьми.

Он подвинул карточку.

— Здесь поставь время. И распишись.

Ася посмотрела на старый бланк. Вверху стоял номер перехода. Ниже перечислили строения: прачечная, жилая пристройка, внутренний двор, хозяйственный корпус. В графе состояния значилось: «Эвакуировано».

Предыдущая запись была сделана карандашом. Ее частично закрывал штамп, но первые слова читались: «Связи нет».

Для номера эвакуационной ведомости оставили пустую клетку.

Ася провела по ней пальцем. Бумага была гладкой. Никакого номера не стерли, его просто не вписали.

— Что там? — спросил Серов.

— Ничего.

Он отодвинул ей карандаш.

Ася вписала время. Цифры получились мелкими и ровными. В следующей строке требовалось указать основание для снятия скобы. Серов уже написал: «Повторное обследование».

Она поставила подпись.

Пока он убирал бумаги, Ася достала полевой блокнот. Тот распух от влаги и не закрывался. Между страницами прилипла крошка бетона. Она смахнула ее и нашла план прачечной.

Вдоль края листа темнела вода. Запись про дальний двор осталась сухой.

Ася поднесла карандаш к карте, собираясь перенести красную черту начисто. В соседней комнате Павел попросил пить. Кто-то ответил ему, и в проходе зашуршали шаги.

Она закрыла блокнот.

Глава 2

Первые мешки привезли в половине шестого. Их везли на двух ручных платформах, по трое на каждую, придерживая груз на поворотах. У одной платформы не было бортов. Мешки стянули веревкой, но крайний все равно съехал и теперь лежал поперек остальных.

Ася стояла у двери бывшей комнаты мастеров. Павлу наложили повязку, дали лекарство и велели спать. Фельдшер сказала, что больше от них пока ничего не нужно. Глеб ушел искать втулку для тележки. Ася осталась, хотя ждать ей было нечего.

У ворот освободили место. Серов подвел платформу к деревянному настилу, снял веревку и попросил не сгружать все сразу. На одном мешке темнело широкое пятно. Его отложили отдельно.

Женщина из раздачи принесла нож. Надрезала сухой мешок, сунула внутрь руку и высыпала крупу на ладонь. Посмотрела, понюхала.

— Эта хорошая.

Она подозвала двух человек с ведрами. Пока разгружали вторую платформу, крупу уже уносили на кухню.

Ася подошла к воротам. От мокрых досок пахло складом. На мешках сохранились бумажные этикетки, некоторые размокли и свисали лоскутами. Серов сверял их с накладной. Увидев Асю, подвинул лист, чтобы она могла взглянуть.

— С хлебозавода все прошли, — сказал он. — На последнем повороте настил поправить надо. Груз задевает.

— Где печь?

— За печью. Там углом выходит.

Ася достала карандаш.

— Я утром схожу.

— Утром отдохни. Покажешь кому-нибудь по карте.

Он проверил следующую этикетку и поставил отметку. Один из грузчиков сел на край платформы, не снимая рукавиц. Серов спросил, сколько было ходок. Тот поднял два пальца и попросил воды.

В раздаче больше не скребли ложками по дну котла. На плите стояла новая кастрюля. Женщина, которая проверяла крупу, промывала ее в тазу, сливала мутную воду и снова подставляла таз под кран. Возле двери собрались люди. Они еще не спрашивали, когда можно брать, только заглядывали внутрь.

— Вам оставила, — сказала женщина Асе. — Там, на полке.

На полке стояли три миски, накрытые доской. Ася взяла одну и села возле окна. Суп остыл. На поверхности схватился жир, капуста осела на дно.

Через проход, у верстака, Глеб разбирал колесо. Перед ним стояла такая же миска. Он ел, потом откладывал ложку, брал тряпку и снова лез пальцами во втулку. Дочь сидела рядом на высоком ящике. На коленях у нее лежала книга. Она придерживала пальцем страницу и читала негромко, почти шепотом.

Глеб поднял голову.

— Еще раз последнее.

Девочка повторила.

— Тут он уже ушел? — спросил Глеб.

— Еще нет.

— Тогда понятно. Дальше давай.

Она перевернула страницу, а он опять взялся за колесо.

Ася съела несколько ложек. В комнате мастеров кто-то кашлянул. Она отставила миску и пошла посмотреть, не проснулся ли Павел.

Он лежал на спине, нога была приподнята. Из-под одеяла торчали пальцы другой ноги. Сапоги стояли под стулом, один разрезанный. На сиденье лежал Павлов мешочек с чаем — маленький, из плотной синей ткани.

— Вам же сказали, — произнесла фельдшер.

— Я только гляну.

— Глянули. Идите.

Ася прикрыла дверь.

К восьми в депо стало теплее. Трубу наконец поставили, и возле печи просохло пятно на бетонном полу. Люди носили туда мокрые вещи. На новой перекладине над проходом Глеб развесил ремни от переноски. Их вымыли, но ткань возле пряжек оставалась темной.

Ася взяла рабочую карту и пошла к диспетчеру.

Комнату отгородили от общего помещения двумя шкафами и дверью, снятой с вагончика. Над дверью оставался просвет. Через него было видно свет под потолком. Внутри стояли стол, аккумулятор на деревянных брусках и два стула. На одном сидела диспетчер, на другом лежал запасной свитер.

— Северная? — спросила женщина, когда Ася вошла.

Ася кивнула.

— Садись. Сейчас попробуем.

Свитер переложили на шкаф.

В журнале были расчерчены узкие колонки. В одних стояли время и короткие записи, другие оставались пустыми. Диспетчер нашла нужную страницу, подвинула лампу и взяла микрофон.

Ася знала порядок. Сначала общий вызов, потом позывной насосной. Пауза. Еще раз. В первые дни она каждый раз наклонялась ближе к приемнику, будто так могла услышать то, что не слышали остальные. Теперь сидела прямо и держала карту на коленях.

Женщина повторила вызов.

В динамике потрескивало. На мгновение проступил низкий гул. Диспетчер повернула ручку, и гул пропал.

— Северная, ответьте депо.

Ася смотрела на провод возле аккумулятора. Изоляцию на нем перемотали в трех местах. Ближайший к клемме виток разлохматился; с него свисала короткая нитка.

Миша тоже все перематывал. В детстве их мать прятала от него изоленту, потому что он тратил целый рулон на то, что можно было починить одним оборотом. Ася говорила ему об этом, когда он собирался на насосную. Он тогда возился с ремнем сумки и попросил не начинать.

На четвертый вызов никто не ответил.

Диспетчер положила микрофон, подождала еще немного и записала время.

— Что пишете? — спросила Ася.

— Нет ответа.

— Только это?

Женщина посмотрела на нее.

— Только это.

Она пододвинула журнал. За сегодняшний день напротив Северной насосной стояли три одинаковые записи. Последняя еще блестела.

Ася вернула журнал на место.

— Если раньше выйдут, позовите.

— Позовем.

У двери она задержалась.

— А с других участков про них ничего?

— Сегодня ничего. Известий вообще мало.

Диспетчер перевела взгляд на карту у нее в руках.

— Это ты прачечную закрыла?

Ася сжала свернутую бумагу.

— Мы сняли скобу.

— Тогда отметь на общей. А то утром туда еще человека направят.

Большая карта висела снаружи, на торце шкафа. Бумагу подклеивали столько раз, что возле нижнего края она стала жесткой, как картон. Рядом на гвозде лежал красный карандаш. Ася сняла его, нашла переход и перечеркнула.

Черта задела напечатанное название улицы. Она поправила конец линии, чтобы было видно, где именно снята связь, повесила карандаш обратно и ушла.

Ночью она несколько раз просыпалась. В депо двигали что-то тяжелое, потом долго открывали заевшие ворота. Из-за перегородки слышался кашель. Ася поворачивалась на другой бок и каждый раз натыкалась коленом на холодный край матраса.

Утром она вымыла куртку. Пятно на манжете стало светлее, но не исчезло. Пока куртка сохла, Ася сидела в свитере и разбирала вчерашние записи. Обозначила высокую ступень на проходе у рынка. Вписала поврежденную площадку прачечной, потом остановилась: площадка больше ни к чему не вела. Она оставила запись и перевернула страницу.

Глеб принес колесо. Поставил возле ее стола и покрутил за обод.

— Послушай.

Колесо сделало несколько оборотов. Ничего не стучало.

— Нашел?

— Переставил с маленькой. На ней пока так повозят.

Ася кивнула. Глеб не уходил.

— Паша спрашивал, кто его мешочек забрал.

— Он под стулом. Вернее, на стуле. У кровати.

— Значит, сам не видит. Скажу ему.

Он поднял колесо.

— Сегодня никуда не записывайся. Серов сказал дать тебе день.

— Я карты доделаю.

— Карты можно.

Глеб посмотрел на ее руки, потом на выстиранную куртку и пошел к тележкам.

После полудня Асю позвали к диспетчеру.

Она встала так резко, что опрокинула кружку. Воды в ней почти не было. Ася провела тряпкой по столу, машинально вытерла край карты и только потом пошла.

В комнате сидела незнакомая женщина.

Ботинки она сняла и поставила рядом на газету. Один носок лежал на батарее. Вторая нога оставалась босой; на пятке белела размокшая кожа. Женщина держала в руках миску и дула на воду, хотя от нее уже не поднимался пар. Волосы были стянуты на затылке. У виска прилипла тонкая светлая прядь.

Диспетчер стояла возле шкафа.

— Это Лебедева, — сказала она.

Женщина подняла глаза.

Ася остановилась у двери.

— Вы с Северной?

— Оттуда.

— Миша?

— Живой был, когда я уходила.

Ася подошла к столу.

— Когда?

— Три дня назад. Утром.

Женщина поставила миску. Пальцы у нее были красными, на одном лопнула кожа.

— Я Рина. Мальцева. Он говорил, сестра здесь.

— Вы его видели перед выходом?

— Он мне сумку собирал. Ключ еще сунул, забыла отдать.

Она потянулась к карману.

— Не от насосной. От ящика. Сказал, тут такой можно подобрать, а я взяла и унесла. Теперь там руками ковыряются, наверное.

Рина достала маленький ключ с плоской головкой и положила на стол.

Ася смотрела на ключ.

— С ним все хорошо?

— Ходит. Работает. Порез на руке был, зажил уже. Ест мало, как остальные.

— Почему он не отвечает?

— Нечем нам ответить. Аппарат давно не работает.

Диспетчер вернулась к журналу.

— Это когда началось?

Рина назвала время приблизительно. Сначала шли перебои, потом перестали слышать депо совсем. Она не помнила числа, зато помнила, что в тот день переносили воду из нижнего бака и один человек поскользнулся на мокрой лестнице.

Женщина записала со слов и попросила подождать снабженца.

Рина кивнула. Снова подняла миску, но пить не стала.

— Вы одна пришли? — спросила Ася.

— До мастерских со мной человек шел. Дальше вернулся. Там уже дорогу объяснили.

— Через какие мастерские?

— Где зеленые ворота. С колесами нарисованными.

Ася взяла со шкафа свернутую схему.

— Покажите.

Рина провела пальцем по бумаге, нашла развилку и остановилась.

— Вот. Отсюда по дворам. Потом лестница, такая железная, к стене приставлена. Внизу еще окно заложено наполовину.

— Через котельную?

— Может, и котельная. Я названия не знаю. Там два бака лежат.

Ася поняла, о каком проходе речь. Она сама по нему не ходила. В чужом отчете было указано: узкий проем, подъем, с грузом не проверен.

— Туда можно вернуться?

— Я по нему пришла.

— Я спрашиваю, обратно пройдете?

Рина посмотрела на свои ноги.

— Если здесь дадут что просим, по-другому пойдем. Я это уже объясняла.

Она достала из сумки пакет, завернутый в клеенку. Внутри лежали два листа. На одном шла запись продуктов и вещей. На другом был нарисован маршрут.

Ася узнала почерк прежде, чем прочла первое слово.

Миша нажимал на карандаш так, что на обороте поднимались бороздки. Цифру семь он перечеркивал дважды, если отвлекался, а короткие пояснения писал сбоку, почти вертикально, чтобы не брать новый лист. Возле одного поворота стояло: «Тележку боком. Не снимать груз, проходит».

Ася положила ладонь на край бумаги.

— Он рисовал?

— Он. Мы с ним вдвоем проходили раньше. Уточнили, что помнили. Для подвоза.

Линия начиналась у Северной насосной. Шла через жилые участки, огибала перечеркнутое здание и выходила к прачечной. После нее Миша нарисовал три ступени, хотя их было четыре, и дверь складского бокса.

— Здесь у вас что? — спросила Ася.

Она показала на квадрат за прачечной.

— Наш двор.

Рина подтянула к себе сухой носок.

— В дальнем корпусе живем. Возле машин холодно, там только стираем. В пристройке еще летняя кухня была, но теперь все вместе готовим.

Ася убрала руку с листа.

Диспетчер перестала писать.

— У прачечной скоба снята, — сказала Ася.

Рина не сразу подняла голову. Она просунула пальцы в носок, проверила, высохла ли ткань внутри, и положила его обратно.

— У какой двери?

— Из проезда в бокс. На рынке.

— Где ступени?

— Да.

— Там на двери еще написано про подшипники.

— Там.

Рина подождала.

— Когда сняли?

— Вчера.

— Совсем?

Ася кивнула.

За дверью кто-то спросил, здесь ли выдают пропуска на склад. Диспетчер вышла в проход и прикрыла за собой дверь. В комнате стало теснее.

Рина взяла схему. Развернула ее другой стороной, снова вернула, будто проверяла, не ошиблась ли местом.

— А дальше вы прошли?

— До пристройки.

— Во второй двор?

— Нет.

Рина смотрела на нее. Ася слышала, как в приемнике слабо трещит, хотя микрофон лежал на столе и никто никого не вызывал.

— Там ворота были заперты, — сказала она. — Мы проверили комнаты. Потом человек упал с площадки. Мы его увезли.

— Раненого?

— Да.

— Как он?

— Живой. Здесь лежит.

Рина кивнула, опустила взгляд на план.

— Без скобы уйти могли?

Ася ответила не сразу.

— Могли.

Рина аккуратно сложила лист пополам. Сгиб прошел через прачечную.

— Мне нужны две канистры топлива, — сказала она. — Еда, сколько дадут. И забрать двоих лежачих. Это я вчера еще своим обещала.

Ася взялась за край стола. Вчера она несколько раз проверяла подпись на акте: чтобы не размазалась, чтобы дата читалась, чтобы бурое пятно не закрыло строку. Теперь она видела эту строку целиком, без бумаги.

— Сколько вас там?

— Со мной сорок три. Сейчас сорок два.

— На насосной?

— В корпусе и на насосной. Пять человек работают, остальные живут. Дети есть.

Рина потерла босую пятку и поморщилась.

— Если топливо не привезти, воду придется носить снизу. Пока там есть откуда брать. Только подъем плохой, ты по карте видишь. Старые не поднимут.

— Миша носит?

— Все носят, кто может.

Ася подвинула к себе второй лист. В списке стояли продукты, мыло, свечи, сухая ткань. Ниже Миша приписал: «Хомуты. Широкие. Старые тоже можно». Возле последней строчки был продавлен маленький круг — след карандаша, который он держал на одном месте, пока думал.

— Серову вы это дали?

— Его пока нет. Сказали ждать.

— Дайте мне схему.

Рина придержала бумагу.

— Зачем?

— Посмотрю обход. Тот, по которому вы пришли.

— Я его не рисовала.

— Тогда расскажете. По участкам. Что помните.

— Я помню, где прошла сама. С канистрами там не ходила.

— Я отмечу отдельно.

Ася достала чистый лист. Придвинула лампу, хотя света из окна хватало, и положила карандаш рядом. Рина смотрела на нее, не выпуская Мишину схему.

— Полотенце можно попросить? — спросила она наконец. — И воды еще. Я бы ноги вымыла, пока ждем.

Ася встала.

На кухне ей дали таз и кусок ткани с зашитым краем. В раздаче ели кашу из вчерашней крупы. У котла стоял человек с двумя мисками, одну он держал прижатой к груди, чтобы не уронить. Женщина, разливавшая суп накануне, спросила Асю, будет ли она брать сейчас или оставить.

— Потом, — сказала Ася. — Оставьте на двоих.

Она вернулась с тазом. Рина сдвинула ботинки и поставила босые ноги в воду. Долго сидела, не двигаясь. Потом развернула Мишину схему и положила между ними.

Ася провела на чистом листе первую линию.

— От насосной куда?

— Сначала к нам во двор, — сказала Рина. — Только к прачечной больше не веди.

Ася зачеркнула начатую линию, отступила ниже и нарисовала заново.

Глава 3

Карту пришлось рисовать с обоих концов. От депо Ася уверенно дошла до зеленых ворот, дальше начались чужие пометки. Рина помнила насосную, жилой корпус и несколько переходов возле него. Между этими участками оставалось место, где линии никак не сходились.

— После лестницы был двор? — спросила Ася.

— Был.

— Вот этот?

Рина наклонилась над старой схемой.

— Не знаю. Здесь сарай нарисован, а там стена голая.

— Сарай могли разобрать.

— Могли. Только я не через сарай шла.

Ася отодвинула схему. На чистом листе нарисовала прямоугольник и положила карандаш поперек.

— Лестница с этой стороны?

Рина переставила карандаш.

— Здесь. Выходишь, справа труба. Между трубой и стеной проход. Сумку вперед надо протолкнуть, на плече цепляется.

Ася обвела трубу. Потом вернула карандаш Рине.

— Покажите, куда повернули.

Рина провела короткую линию и остановилась.

— Я сначала не туда пошла. Там еще дверь была, низкая. К ней дорожка натоптана. Думала, выход. А за ней комната и все. Пришлось назад.

— Вы везде смогли вернуться?

— Где не смогла, там меня провели.

Ася подняла глаза.

— Это где?

— За мастерскими. Люди у печи сидели. Я спросила, как к вам попасть. Они вывели к лестнице. Название своего места говорили, я забыла.

— Сколько их было?

— При мне трое. Еще кто-то за стеной разговаривал.

Ася записала рядом: «Трое. Со слов». На плане этот участок был заштрихован как нежилой. Она не стала менять штриховку, только поставила возле нее дату.

Рина вынула ноги из таза. Вода помутнела. Она вытерлась, дотянулась до ботинка и попробовала надеть его без носка. Пятка не вошла. Рина потянула язычок сильнее, потом сняла ботинок и поставила на пол.

— Вас фельдшер посмотрит, — сказала Ася.

— Посмотрит. Мне еще к снабженцу.

— Он сюда придет.

— Я бы сама дошла. Пока опять не ушел.

За дверью спросили, свободно ли. Диспетчер впустила Серова и подняла таз, чтобы ему было куда поставить ноги.

Он принес табурет, сел у торца стола. В руках у него была сложенная накладная. Серов положил ее рядом с Рининым списком и попросил показать, что требуется.

Рина развернула лист.

— Две канистры топлива. Большие. Тут мыло, крупа. Сухого хлеба, если есть. И двоих забрать надо. Я объясняла уже.

— Про двоих мне сказали. Что с ними?

Рина рассказала. Одна женщина почти не вставала после падения, вторая могла сесть с помощью, но идти не могла. Рина назвала их по имени. Серов записал, уточнил, есть ли на месте кто-нибудь, кто за ними ухаживает.

— Есть. Только сил у людей мало. Если на носилках, нужны ваши.

— По этому пути носилки проходят?

Рина посмотрела на Асю.

— Туда мы через прачечную ходили.

Серов развернул накладную и некоторое время разглаживал сгиб ладонью.

— Про снятие вам сказали?

— Сказали.

— Тогда сначала придется проверить обход. Двух людей на руках через неизвестные места я сейчас не пошлю.

— Топливо можно нести.

— Можно. Где у вас запас был, когда вы уходили?

— В малом баке оставалось. Миша утром посмотрел, сказал, надо пускать только на воду. Остальное выключили.

— На сколько рассчитывал?

— До конца недели, если беречь. Я потому и пошла.

Серов поднял голову.

— Это он три дня назад сказал?

— Да.

— А вы полагали, за сколько дойдете?

— Я не знала, за сколько дойду.

Он кивнул и сделал еще одну запись.

Ася смотрела на Ринины ботинки. На одном отставала подошва у носка. Щель забилась светлой грязью и высохла, удерживая ее открытой.

— Теперь дорогу знаете, — сказал Серов. — Назад быстрее получится?

— Если все на месте. Я ночь у мастерских провела, пока людей дождалась. И до них два раза возвращалась. Мне объясняли, я не сразу поняла.

— До вечера дошли бы? — спросила Ася.

Рина провела пальцем по карте.

— До этого места дошли бы. Дальше не обещаю. Ночевать там есть где.

Серов повернул лист к себе.

— Сегодня готовимся. Вы к фельдшеру, потом отдыхать. Утром Ася с вами пойдет. Глеб посмотрит груз.

Рина выпрямилась.

— Я могу и сегодня.

— В этих ботинках?

Она ничего не ответила.

— До темноты к этому месту вы не успеете, — сказала Ася. — Здесь еще дорогу искать.

Рина снова взялась за ботинок. Поднесла ближе к лицу, отогнула подошву.

— Тогда дайте, чем подклеить.

— Глеб сделает, — сказал Серов. — Скажите ему, что с пяткой. Сам ботинок может оказаться мал.

Он передвинул Рине ее список.

— На первый выход дадим меньше. Сколько они смогут нести. Большой груз — после проверки.

— Там сорок два человека.

— Я записал.

— Мало вы им принесете.

Серов подержал ладонь на бумаге, потом убрал.

— Да. Пока мало.

Диспетчер проводила Рину к фельдшеру. Та пошла в носках, неся ботинки за задники. Ася смотрела ей вслед, пока дверь не закрылась.

Серов повернул к ней план прачечной.

— Вчера ты сказала, что прошла.

— Я прошла пристройку.

— В подтверждении стоит весь участок.

Ася молчала.

Он постучал пальцем по обозначению дальнего двора.

— Здесь была?

— Нет.

— Глеб знал?

— Он спрашивал. Я сказала, что пусто.

Серов откинулся на табурете. Из прохода донесся скрип тяжелых колес. Кто-то велел убрать с дороги ведро.

— Что видела?

Ася вынула блокнот. Нашла страницу и прочла свою запись. Серов попросил дать ему посмотреть. Она положила блокнот перед ним.

Он прочитал, вернул.

— Исправление к акту напишешь сейчас. Что осмотрела, что нет, на чем основывалась.

— Хорошо.

— Отметку на общей карте дополни. Там живут. Про проход отдельно.

Она кивнула.

Серов потер переносицу. Под ногтем у него темнело машинное масло.

— Одна больше обследование не подтверждаешь. Глеб пишет свое, ты свое. Если разошлись, так и сдаете. Поняла?

— Поняла.

— По снятию вчера кто-то возражал?

— Глеб предлагал оставить скобу.

Серов посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Ася взяла лежавший на столе лист и начала писать исправление. Бумага была обрезана неровно; строчки уходили к нижнему краю, и она несколько раз меняла положение листа. Серов ждал. Когда она закончила, прочел, приписал время получения и убрал вместе с прежним актом.

— Мишу проверь, — сказал он. — Если там есть кому работать вместо него, забери. Здесь тоже люди нужны.

— Он может не уйти.

— Сначала доберись. Потом спрашивай.

Серов достал из накладной еще один лист, пожелтевший по краям. На нем была часть старой схемы с несколькими пометками.

— Это возле котельной. Если ваш путь здесь пройдет, посмотрите служебную галерею. Скоба там числится. В снабжении этот переход давно не используется.

Ася взяла лист.

— Снимать?

— Сейчас ничего не снимать. Установить, куда ведет, кто ходит, есть ли другой путь. Нам нужен резерв. Пока его нет, каждый обвал вот так и будем обходить — с чужой дороги металл тащить.

Он подвинул карандаш к отметке.

— Сведения старые. Не переписывай их в свое обследование как готовые.

Ася сложила схему по прежним сгибам.

— Рина знает галерею?

— Спроси. Может, знает людей, которые пользуются.

Серов поднялся, подхватил табурет. У двери обернулся.

— Идите налегке. Если Глеб скажет, что груз не проходит, оставляете. Проверенный проход мне нужен больше, чем потерянная канистра.

После его ухода Ася некоторое время сидела перед пустым местом на столе. Потом убрала старую схему в блокнот и пошла к Глебу.

Он работал у верстака. Одну руку просунул в рукав Рининого ботинка, другой зачищал край подошвы. Рядом лежали вынутые стельки, сухие носки и кусок мягкой ткани.

— Большие нужны, — сказал он, не поднимая головы. — Ноги отекли, в эти обратно не войдет.

Ася пододвинула ему табурет.

— Серов говорил?

— Говорил.

Она села.

Глеб отложил ботинок, вытер пальцы о тряпку.

— Я же тебя спросил.

— Знаю.

— Нет, не «знаю». Я у двери стоял. Ты из дома вышла. Я спросил, посмотрела ли дальше.

Ася смотрела на край верстака. На дереве были прорезаны неглубокие линии, одна поверх другой. Между ними застряли нитки.

— Я не прошла двор.

— Теперь знаю.

Он взял ботинок, примерил к нему вырезанную накладку и снова отложил.

— На этот раз сразу говори, где не была. Мне потом подписываться.

— Я исправление написала.

— Это про вчера. Я про завтра.

Глеб достал с полки две небольшие канистры. У одной крышка сидела на проволоке. Он налил в нее немного воды, закрутил и перевернул над ведром. По шву побежала тонкая струйка.

— Эту нельзя.

Он поставил канистру под верстак и пошел за другой.

Ася развернула карту. Когда Глеб вернулся, она показала ему участок возле зеленых ворот, лестницу и окно. Он попросил описать окно подробнее. Ася позвала Рину.

Та пришла в чужих больших ботинках. Правую шнуровку ослабили почти до конца. На плечах у нее лежал выданный в комнате мастеров свитер. Один рукав свисал, и Рина заправила его за воротник, чтобы не мешал.

— Вдоль труб площадка, — сказала она. — Там сумку вперед просовываешь, потом сама.

— Площадка широкая?

— Я стояла.

— Двое встанут?

— Друг за другом.

Глеб достал переноску, вынул из боковых карманов рукояти.

— А с человеком?

Рина долго смотрела на разложенную ткань.

— Не знаю.

— Понятно.

Он снова свернул переноску.

— Возьмем. На всякий случай. Но пока не увидим тех двух и всю дорогу, никому не говорить, что заберем.

— Я сказала, что попрошу, — ответила Рина.

— Вот и правильно.

Они начали раскладывать груз. Две малые канистры, еда на дорогу, отдельный пакет для насосной, вода, инструменты, веревка. Глеб убрал из Асиной сумки запасную рубаху, подержал ее и вернул.

— Эту сухой заверни. Остальное на себя наденешь.

Рине он оставил воду и ее вещи.

— Я тоже понесу, — сказала она.

— Донесешь себя. Нам достаточно.

Она посмотрела на него с неприязнью, но сумку отдала.

Подошла Лена. В руках у нее был мешочек из того же полотна, что переноска. Она поставила его рядом с отцовским рюкзаком.

— Это тебе.

Глеб заглянул внутрь.

— Откуда?

— Мое.

— На завтра оставь.

— У тебя тоже завтра будет.

Он вынул два ломтя хлеба, один вернул в мешочек и протянул дочери.

— Пополам.

Лена забрала мешочек. Постояла возле верстака.

— Когда обратно?

— Если нормально пройдем, послезавтра. Может, позже.

— Книгу у тебя оставить?

— На полке положи.

Она ушла, а Глеб завернул свой ломоть в бумагу и положил сверху, чтобы не раздавить.

Когда все было собрано, Рина спросила:

— Еще что вам поручили?

Ася закрыла блокнот.

— Уточнить проходы. Где люди ходят, где с грузом можно.

Рина кивнула на карту.

— Тут и так много уточнять.

— Да.

Схема служебной галереи лежала между страницами. Ася могла вынуть ее, показать отметку, спросить про скобу. Рина стояла совсем рядом. Ася уже приподняла обложку, но из комнаты мастеров позвали Глеба, и Рина повернулась к нему.

Ася убрала блокнот в сумку.

Вечером она внесла исправление на общую карту. Для надписи не хватало места. Пришлось прикрепить отдельный лист возле прачечной и провести от него линию. «Жилой участок. Сведения Р. Мальцевой». Ниже — число людей и дата.

Диспетчер прочла, попросила дописать, когда Рина вышла с насосной. Ася дописала. Теперь любой, кто смотрел на карту, мог увидеть, сколько времени прошло.

Ночь Рина провела в комнате рядом с раздачей. Асю туда не пустили: сказали, человек лег и уже спит. Она оставила у двери сложенный маршрут и вернулась к своему месту.

Куртка высохла. Манжета стянулась и стала жесткой. Ася размяла ее пальцами, проверила карманы и легла, не снимая свитера.

Вышли утром, до первой раздачи.

Глеб опустил ладонь на Асин рюкзак, прижал сверху и потянул ремень. Потом поправил свою канистру, чтобы не била по бедру. Металл он обернул тканью. Все равно при каждом шаге слышалось короткое глухое постукивание.

Рина шла медленно, стараясь ставить правую ногу ровно. У ворот она остановилась и подтянула носок внутри ботинка. Глеб ждал, отвернувшись, чтобы не торопить.

До цветочного павильона дошли молча. В стеклах еще держалась влага. Бумажная гирлянда висела под потолком, одна полоска отклеилась и легла на старую полку. Человек, открывавший проход, посмотрел на их рюкзаки и спросил, когда ждать назад. Глеб назвал тот же срок, что дочери.

За рынком пришлось свернуть с обычного грузового пути. Ася знала первые два прохода. Дальше повела Рина.

Дворы здесь были теснее. Между стенами тянулись навесы, под которыми стояли пустые ящики и рамы от тележек. На одном повороте Рина остановилась, посмотрела на деревянную дверь, потом на щель между сараями.

— Здесь я ошиблась.

Она показала на дверь.

— За ней тупик.

Ася отметила его. Глеб остался возле развилки, пока они с Риной проверяли нужный проход.

За сараями открылся двор мастерских. Зеленые ворота были распахнуты. На створках нарисовали по колесу с белыми спицами; рисунки почти сошлись, когда ветер качнул створки внутрь.

Рина вошла первой. Под навесом стояла печь из бочки. Рядом на доске лежали корки хлеба. Людей не было.

— Тут сидели, — сказала она.

Глеб потрогал край печи.

— Остыла.

Ася увидела три кружки и свежую щепу возле поленницы. Записала, что люди сейчас отсутствуют. Потом громко позвала. Под навесом отозвался только скрип жестянки.

Нужное окно находилось в задней стене цеха. Нижнюю половину заложили кирпичом, раму сняли. В верхней части оставили проем, через который взрослому приходилось пролезать согнувшись.

За ним виднелась площадка с железным настилом. Вдоль нее проходили две толстые трубы, а сбоку начиналась лестница. С улицы за стеной цеха этого места не было: там стоял глухой забор и росло кривое дерево.

Ася осмотрела края проема. Скобы не было.

Рина поставила сумку на подоконник.

— Я отсюда пришла. Вылезла и к печи пошла, у них спросить.

Ася посветила внутрь. На настиле лежали окурок и обрывок веревки. У нижнего края окна виднелся след подошвы.

— Сначала я, — сказал Глеб.

Он снял рюкзак, передал Асе, оперся руками о кладку и пролез боком. За окном пришлось сразу согнуть ноги. Противоположная труба мешала выпрямиться.

Глеб постоял, держась за верхний край проема, потом осторожно перенес вес на площадку.

— Подавай.

Ася передала рюкзак и одну канистру. Он убрал их к лестнице. Забрал вторую канистру, повернул ее боком между трубами.

Рина села на подоконник. Лицо у нее напряглось.

— Ногу сама, — сказала она, когда Ася потянулась помочь. — За сумку держи.

Они подождали, пока она перенесет ноги. Глеб принял ее с другой стороны, придержал за локоть. Рина встала на настил и отошла к рюкзакам.

— Теперь переноску дай, — сказал Глеб.

Ася вынула сверток. Глеб взял его через окно, расправил ткань, вставил рукояти. Попытался положить переноску поперек площадки. Один конец уперся в трубу, второй остался за рамой.

Он повернул ее наискось. Ткань смялась, рукоять стукнула о кирпич.

Рина смотрела, прижав ладонь к трубе.

— По частям можно? — спросила она.

— Ее можно.

Глеб вынул одну рукоять. Переноска сразу обмякла.

— Они сидеть могут?

— Одна может. Другую пробовали поднимать — от боли кричит. Лежа терпит.

Глеб еще раз посмотрел на окно, потом вдоль площадки.

— Здесь придется что-то делать. Или другой ход искать.

— Там дальше лестница шире, — сказала Рина.

— До нее еще надо донести.

Он свернул ткань, продел рукояти под ремень рюкзака и отодвинул груз, освобождая Асе место.

Она села на холодный кирпич. За спиной оставался цех с ровным бетонным полом, впереди Глеб стоял на узком настиле, прижавшись плечом к трубе. Он протянул руку.

Ася перенесла одну ногу, потом другую. Край кладки зацепил карман. Пришлось подняться на руках и податься вперед. Глеб придержал ее, пока она не нащупала ногой железо.

На площадке они стояли вплотную. Чтобы Ася могла повернуться, Глебу пришлось отступить на первую ступень.

Она подняла с настила свою канистру. Ручка легла на старый синяк у основания большого пальца. Ася перехватила ее другой рукой и пошла вниз следом за Риной.

Глава 4

Лестница вывела их в нижнюю часть котельной. Под ногами лежала угольная пыль, сбитая водой в плотные черные гребни. Там, где вода уходила в сток, пол побелел. Рина обошла это место вдоль стены. Глеб показал Асе на следы ее ботинок и велел держаться той же стороной.

В котельной было светло. Через высокие окна виднелись трубы соседнего корпуса и ветви дерева, росшего у самой кладки. Одно окно затянули полиэтиленом. Пленка надувалась внутрь, ложилась на остаток рамы и снова отходила.

Ася остановилась возле лестницы, чтобы отметить поворот. Рина прошла вперед, придерживая сумку у бедра.

— Через дверь в конце, — сказала она. — Там направо.

Глеб подождал, пока Ася допишет. Он все еще не снимал рюкзак. На нижних ступенях вода намочила ремни, и теперь канистра соскальзывала к боку. Глеб подтянул ее выше и вытер ладонь о штанину.

За дверью начинался широкий коридор. Вдоль стены стояли металлические шкафчики. Дверцы с них сняли, зато внутри сохранились полки, и на одной сушились носки. Рядом лежали две пары рабочих рукавиц, вывернутых большим пальцем наружу.

Рина посмотрела на них, потом на Асю.

— Здесь уже живут.

В дальнем конце коридора загремели колеса.

Мужчина в короткой ватной куртке пятился из открытой двери, вытягивая тележку. На ней лежали деревянные бруски. В дверях стояла невысокая женщина и придерживала верхний ряд, чтобы груз не зацепился за косяк.

— Стой, — сказала она. — Нижний вылез.

Мужчина остановился. Женщина нагнулась, задвинула брусок и снова взялась за тележку.

— Теперь.

Глеб поставил канистру и помог протащить колесо через порог. Тележка тяжело ударилась о пол. Мужчина выпрямился, потирая поясницу.

— Спасибо.

За дверью виднелся двор с низкими навесами. Под ближайшим сложили обрезки досок. В глубине стоял грузовик без кабины, кузов его до половины заполнили водой. По одному краю кузова тянулась зеленая полоса.

Ася посмотрела вниз.

Скоба охватывала край порога. Ее левый конец уходил в бетон, правый — в нижнюю часть косяка. На кладке рядом остался белый прямоугольник от снятой таблички. Номер выцарапали поверх краски.

Ася вынула из блокнота старую схему.

Рина уже повернула в боковой проход. Она оглянулась, увидела бумагу и остановилась.

Женщина у двери сняла с плеча узкую доску, которую придерживала отдельно, и поставила к стене.

— Кого ищете?

— На Северную идем, — ответил Глеб.

— Через водомерную?

Рина кивнула.

— Я отсюда выходила. Три дня назад.

— Я помню.

Женщина посмотрела на Асю.

Та сверяла номер на косяке с записью. Последнюю цифру разобрать не удавалось. Ася присела, стерла с нее налипшую грязь ребром карандаша.

— Ты что делаешь? — спросила Рина.

Ася поднялась.

— Проверяю переход. Он в старом перечне есть.

Мужчина отпустил ручки тележки.

— В каком перечне?

Ася подала женщине лист. Та не взяла, только наклонилась прочитать. Под чистым воротником у нее был повязан серый шарф, на конце шарфа чернело круглое пятно от чернил.

— Резерв, — произнесла она.

— Обследование для резерва, — сказала Ася. — Снимать ничего не поручено.

Рина подошла ближе.

— Ты вчера про проходы говорила.

— Да. Нужно установить, куда ведут. Кто пользуется.

— И где можно взять скобу.

Ася убрала карандаш.

— Да.

Женщина взяла лист. Прочла целиком, перевернула.

— А здесь у вас что?

Она ткнула в строку.

— Не используется в снабжении.

— В снабжении депо.

— Так и допишите.

Мужчина подвинул тележку к стене и встал возле порога. Руки у него были в заусеницах. На одном пальце вместо ногтя лежала темная неровная пластинка.

— Мы этим топимся, — сказал он, показав на бруски. — Через неделю обратно понесем железо. Там люди печь собирают.

Ася посмотрела во двор. У дальнего навеса двигался человек. Он остановился возле кузова, нагнулся к воде и снова выпрямился.

— Сколько вас здесь живет?

— Пятеро, — ответила женщина.

— Здесь, в корпусе?

— В сушильной. Хочешь посмотреть?

Она спросила без приглашения в голосе.

Ася свернула старую схему.

— Если покажете.

Женщина помолчала, потом кивнула в сторону боковой двери.

— Шилова. Вера. Чтоб было у кого спросить, когда будете переписывать.

Рина осталась возле тележки. Глеб пошел следом за Асей.

Сушильная занимала узкое помещение вдоль наружной стены. На старых кронштейнах висели одеяла. За ними стояли кровати, одна высокая, с надставленными ножками. У окна сушили ломтики хлеба. На подоконнике лежала открытая книга, придавленная чашкой.

Вера отвела край одного одеяла, показала постель и опустила ткань обратно.

— Двое сейчас в том дворе, один с утра ушел. Мы здесь.

Ася записала.

На стене возле кровати прикололи газетную вырезку. Объявление об обмене квартиры. Бумага пожелтела вокруг кнопок, но фотография кухни еще различалась: светлый стол, шкафчики, цветок между двумя окнами.

Вера заметила ее взгляд.

— Подпиши, что пятеро. Из-за этой двери живем.

— Я напишу со слов. Двоих видела.

Вера протянула руку.

Ася дала ей блокнот.

Женщина прочитала запись медленно, ведя пальцем по строчке. Потом нашла глазами название корпуса на соседней странице.

— Вот тут тоже поправь. Нежилой — это назначение здания. Квартир тут не было. Это ничего не говорит о том, есть ли здесь люди.

— Знаю.

Вера вернула блокнот.

— Тогда поправь.

Глеб вынул свой маленький листок и записал отдельно. Ася подождала, пока он закончит. В сушильной пахло нагретой тканью, хлебом и дымом, который просачивался через соединения трубы. Возле одной кровати стояли тапки. Их поставили пятками к стене, чтобы не искать в темноте.

Когда они вернулись в коридор, Рина сидела на краю перевернутого ящика. Мужчина привязывал груз к тележке.

— Мне это зачем надо? — спросила Рина у Аси.

Вера остановилась возле двери во двор.

— Кому?

— Мне. Я их на насосную веду, а они по дороге смотрят, что с кого снять.

— Снимать мы не будем, — сказал Глеб.

— Ты про это задание знал?

— Знал.

Рина провела ладонью по колену и посмотрела в сторону выхода.

Ася присела, чтобы говорить с ней на одной высоте.

— Я должна была сказать.

— Должна была.

— Здесь уже видно, что переход используется. Это будет в обоих отчетах. И кто здесь живет, тоже.

Рина молчала.

Вера забрала у мужчины свободный конец веревки. Он наклонил тележку, она подвела веревку под раму.

— Куда вам дальше? — спросила она.

Рина показала на боковой проход.

— Через галерею к водомерной.

— По верху?

— Там я шла.

— Верхний спуск мокрый. Вчера по нему со склада воду таскали, пролили. На нижних ступенях мох. С грузом по одному идите.

Глеб посмотрел на мужчину. Тот кивнул.

— У стены лучше держится. Только за ограждение не хватайтесь. Две стойки из пола вышли.

Ася достала карандаш, но Вера придержала блокнот.

— Подожди. Со складами у вас что? Говорили, связь оборвалась.

— Обход закрепили, — сказала Ася. — Через хлебозавод.

— С тележкой можно?

Глеб ответил, что можно, и объяснил поворот за печью. Вера слушала, не перебивая. Потом принесла из сушильной конверт, расправила и подала Асе.

— Начерти. От вашего входа.

На конверте было чужое имя. Ася перевернула его чистой стороной и нарисовала три прохода. Возле поворота подписала ширину груза, с которым прошли вчера.

— Это проверено, — сказала она. — Дальше старого склада я не была.

Вера свернула конверт, убрала в карман.

— В водомерной можно ночевать. Дверь изнутри запирается, крыша цела. Сами были там неделю назад.

— До ночи еще далеко, — сказала Рина.

— Знаю. Я про крышу.

Вера помогла мужчине поднять тележку и пошла с ним вдоль коридора. Перед поворотом остановилась.

— Если ваш снабженец захочет про эту дверь выяснить, пусть ко мне приходит.

Ася кивнула.

Они забрали канистры и вышли на галерею.

Снаружи оказалось холоднее. Ветер шел между корпусами, раскачивая сорванный лист жести над трубопроводом. Галерея тянулась вдоль стены. Под ней лежал двор, заваленный обломками перекрытия. Между плитами выросли тонкие деревья. На одной из плит стоял пластиковый стул с уцелевшими белыми ножками.

Ася шла за Риной. Та теперь почти не сгибала правую ногу.

У спуска Глеб поставил груз.

— Сначала пустыми.

Он спустился, проверяя ступени носком. Ограждение отошло от пола вместе с широким куском ржавчины. Глеб сразу убрал руку и пошел вдоль стены. Внизу обернулся, показал, куда ставить ноги.

Рина начала спускаться. На третьей ступени остановилась.

— Рюкзак сними, — сказал Глеб.

— Он легкий.

— Сними.

Ася приняла сумку. Рина прошла еще две ступени и села. Нижняя нога вытянулась вперед. Она попробовала согнуть ее, перехватилась за край площадки и осталась сидеть.

Глеб поднялся к ней. Вместе они спустились до сухого места.

Потом он вернулся за канистрами. Их опускали отдельно, обвязав веревкой. На одну ступень пролилось немного топлива из-под неплотно закрученной крышки. Глеб вытер металл, проверил резинку и затянул сильнее. Запах держался возле лестницы, пока они собирали груз.

На спуск ушло больше времени, чем Ася ожидала. Когда все оказались внизу, она посмотрела на часы и зачеркнула в блокноте прежний расчет.

Рина заметила.

— Я обратно дольше шла. Там, дальше, дважды поворачивала не туда.

— Где?

— Покажу.

Они прошли двор и остановились у двери с оторванной нижней петлей. Рина показала на нее: за дверью были две комнаты, а выхода не было. Она потеряла там время, пытаясь снять решетку с окна. На правой стене остался свежий след от инструмента.

Правильный путь шел через помещение без крыши. Вдоль одной стены натянули проволоку, на нее кто-то нанизал обрезки светлой ткани. Они шевелились над сухой полосой пола. Рина прошла под ними, свернула у перевернутой ванны и вывела их к короткому коридору, в конце которого была видна вода.

Это оказался канал. Вода стояла почти у порога. На противоположной стороне поднималась кирпичная стена, между окнами рос куст. Куст был ближе, чем полагалось по ширине канала на старой карте.

Вдоль воды оставался узкий проход. Рина остановилась, дождалась остальных и только потом пошла. Здесь она знала, куда ставить ноги. Сумку держала перед собой и временами прижималась плечом к стене. Глеб не пытался ее обогнать.

У следующего перехода отдыхали. Рина села на сухую плиту и сняла правый ботинок.

Ткань возле пятки промокла.

— Надо перемотать, — сказал Глеб.

— Сейчас.

Она потянула носок и замерла.

Ася отвернулась к каналу, пока Рина отмачивала прилипшую ткань. Вода у стены двигалась медленно. По ней плыл обломок ящика, зацепился за торчащий прут и начал поворачиваться на одном месте. Внизу, за темным отверстием стока, что-то глухо ударяло о бетон.

Глеб достал сухой кусок ткани. Рина вытерла ногу, взяла его и стала складывать. Пальцы плохо слушались, края не сходились.

— Дай, — сказал он.

Она отдала.

Пока Глеб работал, Ася развернула маршрут. До водомерной оставалось три участка. После нее Рина помнила длинный проход по дворам, здание с разобранной лестницей и низкий выход возле насосной.

— Сегодня успеем? — спросила Ася.

Рина посмотрела на карту, потом на часы у нее на руке.

— Не знаю.

Глеб поднял голову.

— До водомерной дойдем. Там посмотрим.

Рина натянула носок, надела ботинок. Встала, придерживаясь за Глебово плечо, и несколько раз перенесла вес с одной ноги на другую.

— Можно идти.

Они пошли.

К середине дня съели часть дорожного хлеба. Пакет для насосной Глеб убрал глубже в рюкзак, чтобы не перепутать. Воду пили понемногу, но Рине он каждый раз подавал бутылку первым.

На одном из дворов пришлось подождать. Женщина выносила через проем длинные листы кровельного железа. Их нельзя было развернуть у выхода, и она тянула каждый почти до середины двора, прежде чем освободить проход. Глеб помог с последним листом. Женщина предложила воды, показала, где стоит ведро.

Ася хотела спросить о дороге дальше. Женщина не знала. Сказала только, что по утрам здесь проходит человек с пустыми бидонами. Откуда приходит, она не спрашивала.

Ася записала про бидоны, но никакой линии на карте не добавила.

Водомерную будку нашли, когда свет уже начал тускнеть.

Она стояла на краю пустой площадки. Снаружи стены были мокрыми, под окном разрослась трава. Дверь держалась на двух тяжелых петлях. Рина потянула за ручку, толкнула плечом и вошла.

Внутри было сухо.

На полу лежали старые папки и несколько широких досок. Окно закрыли фанерой, оставив узкую щель под рамой. В углу стоял стул без спинки. Под ним Рина нашла пустую консервную банку.

— Я здесь ночевала.

Она подняла банку, посмотрела внутрь и поставила обратно.

Глеб снял рюкзак, прошел вдоль стен, проверил дверь. Засов двигался туго, но входил в скобу до конца.

— Останемся.

Ася остановилась посреди комнаты.

— Сколько от этого места?

Рина села на доски.

— Я до него за полдня дошла. Только без груза. И тогда нога еще не такая была.

Ася посмотрела в щель под рамой. Снаружи виднелась узкая полоса стены и край неба. Дальше им предстояло идти через участки, которые она знала лишь по рассказу.

Глеб достал воду и еду.

— На темноту не выйдем. Утром пойдем рано.

Ася опустила канистру возле стены. Ручка оставила на ладони глубокую красную полосу. Она разжала пальцы, подождала, пока вернется чувствительность, и начала сдвигать папки с пола.

Они уложили доски рядом. Под одну пришлось подложить обломок кирпича, чтобы не качалась. Глеб раздал сухую ткань, потом вышел посмотреть ближайший проход. Ася пошла с ним до двери.

— Далеко не ходи.

Он показал на невысокий проем за площадкой.

— Только туда. Рина сказала, следующий здесь.

Ася осталась у входа, пока он не вернулся. Он записал, что увидел, и показал ей листок: помещение цело, следы людей есть, дальнейший выход не осмотрен.

В будке Рина раскладывала еду на бумаге. На троих получилось по ломтю хлеба, немного крупы, сваренной еще в депо, и несколько кусочков сушеных овощей. Она подвинула Асину долю к краю.

— Ешь, пока не рассыпалось.

Ася села напротив.

Рина ела медленно. Сначала пыталась держать ботинок на ноге, потом нагнулась и развязала шнурки. Ботинок снялся вместе с носком. Она поставила его возле досок и больше к нему не прикасалась.

— Ты про Мишу у меня почти не спросила, — сказала она.

Ася подняла голову.

— Спросила, живой ли. Ест ли. Еще что?

Ася подержала хлеб в руках.

— Он спит?

— Где придется. У него кровать есть, но он все на станции остается. Там у одного старшего руки слабые стали, Миша за ним переделывает. А тому сказать не может, ругаются.

— Он со всеми ругается.

— Не со всеми. С женщиной одной у нас очень вежливый. Она ему штаны укорачивала, он потом три дня воду приносил.

Ася улыбнулась. Впервые с тех пор, как Рина пришла в депо, ей удалось представить Мишу занятым чем-то, что не требовало немедленно забирать его оттуда.

— Он ничего не терял?

— Ключ потерял. У меня, оказывается.

Рина полезла в карман, вынула ключ и положила рядом с хлебом.

— Забери. А то опять унесу.

Ася взяла его. Край головки был сточен, одна бороздка забита серой грязью. Она завернула ключ в чистый угол платка и убрала в карман.

После еды Глеб помог Рине устроить ногу на свернутой куртке. Света в будке оставалось мало. Он придвинулся к окну, посмотрел на ботинок.

— Утром надо задник раскрыть. Иначе не наденешь.

— Потом в нем не пройти.

— Подошву не трону. Сверху мягкое пришьем.

Рина легла на бок. Под доской скрипнул кирпич.

Ася погасила фонарь, чтобы не тратить батарею. Некоторое время они слышали, как снаружи с травы капает вода. Потом Глеб попросил передать ему ботинок. Он хотел снять часть швов сейчас, пока через щель еще было видно.

Рина потянулась, но не достала.

Ася подняла ботинок. Внутри лежал скомканный носок, тяжелый от влаги. Она вынула его, положила на отдельный лист и передала Глебу обувь.

Рина посмотрела на нее.

— Завтра я дойду.

Ася села возле ее ног.

— Знаю.

Она хотела добавить, что если будет трудно, они помогут, но не сказала. Поддержала край куртки, пока Рина устраивала пятку повыше, и осталась сидеть рядом.

Глава 5

Утром Рина долго не могла встать. Сначала села на досках, опустила ноги и подождала, держась за край куртки. Потом надела переделанный ботинок. Глеб распустил задний шов и подшил мягкую полосу, которую теперь нужно было обернуть вокруг пятки. Рина затянула ее слишком туго. Глеб присел рядом, ослабил узел и велел попробовать.

Она поднялась, прошла до двери. Вернулась за сумкой.

Ночью дождя не было. Трава у будки побелела от холодной росы, на железном засове собрались мелкие капли. Ася вытерла его рукавом и несколько раз подвигала, чтобы дверь потом можно было открыть снаружи.

Глеб проверил, что осталось из дорожной еды. На этот день хватало. Он убрал остатки в отдельный карман, пакет для насосной оставил нетронутым.

Вышли, когда стало видно край площадки.

Дальше шли медленнее. Рина помнила повороты и почти не останавливалась выбирать дорогу, зато каждые несколько сотен шагов ей приходилось поправлять ногу в ботинке. Она делала это молча, отставала, потом снова выходила вперед.

У здания с разобранной лестницей Глеб забрал у нее сумку.

Внутри пахло мокрым кирпичом. Нижний пролет когда-то сняли целиком; от него осталась наклонная полоса на стене. Вместо ступеней положили две доски с прибитыми поперек брусками. Наверху их удерживала петля толстой проволоки.

Рина прошла первой без груза. Ася подала ей сумку, потом канистру. Пока Глеб передавал остальные вещи, она стояла у основания досок, упираясь сапогом в нижний край. Дерево прогибалось, но не скользило.

Сверху начинался коридор с рядами одинаковых дверей. Почти все были открыты. В одной комнате лежали стопки пластмассовых стульев. В другой кто-то снял с пола линолеум и свернул в большие грязные рулоны.

— Через последнюю, — сказала Рина.

Дверь была низкой. Перед ней пришлось снять рюкзаки и протолкнуть вещи по полу. Ася проползла боком, почувствовала под ладонью гладкую плитку и подняла голову.

Они вышли под навес.

Снаружи стояли ведра. Несколько оцинкованных, два пластмассовых, синяя канистра с широким горлом. На ручке одного ведра висела деревянная планка с вырезанной фамилией.

Рина наклонилась и переставила канистру, освобождая выход.

— Пришли.

Ася посмотрела поверх ведер.

За навесом открывался длинный двор. Вдоль одной стены сложили доски, у другой росла трава, примятая узкой тропой. На веревке висело белье. Дальше, за невысоким корпусом, поднималась кирпичная башенка насосной.

Во дворе было тихо. Женщина в большом мужском пиджаке несла к дому свернутый матрас. Увидев Рину, остановилась.

— Ну?

Рина поставила сумку.

— Принесли немного.

Женщина посмотрела на канистры, потом на Асю и Глеба.

— А забирать когда?

— Дорогу смотрим, — сказала Рина. — Пока не знаем.

Она спросила про людей в корпусе. Женщина ответила коротко: все на месте, одной ночью было хуже, сейчас лежит спокойно. Потом подошла, взяла Рину за локоть и придержала, пока та обходила лужу.

У дверей кухни из-под навеса вышел мальчик с крышкой от кастрюли. Увидел Рину, открыл рот, развернулся и побежал обратно. Изнутри сразу заговорили.

Глеб поднял пакет с едой.

— Куда ставить?

— Сюда неси, — сказала Рина. — Я разберу.

Ася осталась возле ведер.

— Миша где?

Рина указала на насосную.

— Если смена не кончилась, там. Через двор и налево. Дверь тяжелая, снизу придержи.

Ася взяла одну канистру. Глеб подхватил вторую и пошел следом.

У насосной стояли две тележки. У одной на оси вместо шплинта был загнут гвоздь. На стене висел кусок зеркала, а под ним — тряпка на проволоке. В зеркале отразился Асин лоб и край рюкзака.

Она потянула дверь.

Снизу что-то задело пол. Глеб подставил ногу, приподнял край. Внутри пахло маслом, металлом и теплой сыростью.

Миша стоял на коленях возле насоса.

Он держал ключ обеими руками. Рядом сидел мужчина с короткими седыми волосами и светил снизу переносной лампой. Рука, в которой он держал лампу, слегка дрожала. Миша оторвался от работы, хотел что-то сказать и увидел Асю.

Несколько секунд он смотрел на нее.

Потом положил ключ.

— Подержите, — сказал мужчине.

Тот взял инструмент и отодвинулся.

Миша поднялся не сразу: затекла нога. Выпрямился, опираясь ладонью о корпус насоса. На щеке у него шла черная полоса, волосы над ухом слиплись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.